

- 21 век в философско-антропологическом измерении
- Постиндустриализм в зеркале теории информационного общества
- Формирование гражданского общества в Республике Беларусь: проблема социокультурных оснований
- Социальные аспекты функционирования светского государства в Республике Беларусь
- Политика Республики Беларусь в сфере реализации свободы совести

УДК 141.319.8

21 век в философско-антропологическом измерении

Адуло Т. И., доктор философских наук, профессор

В статье рассмотрены основные антропологические сценарии 21 века – антропо-катастрофический (пессимистический), антропо-созидающий (оптимистический) и антропо-устойчивый (взвешенно-оптимистический), дана их качественная характеристика, выявлены онтологические основания. Сделан вывод об антропо-устойчивом сценарии как наиболее вероятном пути развития человечества в 21 столетии.

The 21 Century in a Dimension of Philosophical Anthropology

T. Adulo, PhD in Philosophy, Professor

In the article major anthropological screenplays of the 21 century – antropo-catastrophical (pessimistic), antropo-creative (optimistic) and antropo-stable (optimistic weighed) are examined, their qualitative characteristic is given, ontological grounds are cleared up. A conclusion about the antropo-stable screenplay as the most probable way of the development of mankind in the 21 century is drawn.

Философская антропология как дисциплина заявила о себе на постсоветском пространстве лишь в конце прошлого века. Однако за этот короткий по историческим меркам срок она сумела отбросить надуманные в ее адрес разного рода предубеждения, осилила создаваемые на ее пути преграды и заняла подобающее ей место в системе социально-гуманитарных наук. Тому есть причина.

Человек традиционно является главным объектом философского анализа. Философы не только постигают сущность человека, но и предлагают обществу различные модели гуманного социального бытия. Значимость философских исследований значительно возрастает в так называемые «переходные» эпохи – в условиях, позволяющих человеку *осознанно* выбирать из многообразного спектра предоставившихся возможностей *собственную стратегию* дальнейшего развития. При этом человек 21 века, в отличие от своих предков, обязан реализовывать свои замыслы не путем «проб и ошибок», а руководствуясь *строгой логикой*, базирующейся на *адекватном* воспроизведении в мышлении социального бытия. Именно поэтому столь важное значение приобретает социально-философское постижение как человечес-

кой истории, так и самого человека как такового во всем многообразии его проявлений, особенно в переломные эпохи, к которым, несомненно, относится и наша историческая эпоха.

Собственно говоря, в который раз возникает один и тот же вопрос: «*Что должна и что в состоянии дать обществу философия*»? Ответить на него не так просто. Поскольку «практическая польза» философии – в том виде, как ее представляют на уровне повседневного сознания, – трудно обнаружить, то очень многие к ней относились и до сих пор относятся скептически. Именно поэтому, начиная с Фалеса, философам постоянно приходилось защищать свою дисциплину. И хотя делать это было непросто, философия, тем не менее, существует уже около трех тысяч лет. Значит, все-таки она нужна человеку. Несмотря на, казалось бы, абстрактное, отрешенное от повседневных жизненных проблем содержание, философия, тем не менее, оказывает серьезное влияние на этот мир – формирует мировоззрение, мировидение, духовно-нравственные и эстетические устои человека, участвует в осмыслении сложнейших социальных проблем, предлагает обществу те или иные проекты, а то и

предупреждает его о возможных негативных последствиях принимаемых политиками решений. И, конечно же, в своей профессиональной деятельности философы никогда не уходили от анализа собственно человеческих проблем. Вот и сейчас, в начале 21 века, философско-антропологическая проблематика вновь оказалась востребованной, поскольку сложившаяся в современном мире ситуация нуждается не только в социологическом, политологическом, но и философско-теоретическом осмыслении и системном преломлении через бытие человека.

Человек в данной статье представлен как родовое существо. В своем исследовании мы осознанно, насколько можно, отвлекаемся от типов общественного устройства, направленности исторического процесса, что является проблемным полем философии истории, и руководствуемся следующей установкой. Несмотря на принадлежность каждого отдельного человека к той или иной социальной общности, в нем есть что-то такое, что его объединяет с другими людьми той исторической эпохи, в которую он живет. Например, мы можем не только говорить об афинянинах, человеке эпохи Средневековья, Ренессанса, Нового времени, но и мысленно представить их портрет. Это не означает отсутствия социальной дифференциации людей и социальных типов личности. Они, несомненно, есть. Но есть и то, что выходит за рамки социальной типологии и возвышается над ней в виде своеобразного портрета человека конкретной исторической эпохи. В данном случае нас интересуют:

- а) *качественная характеристика* (портрет) человека вступившего в свои права 21 столетия;
- б) *требования*, предъявляемые современной исторической эпохой к качествам человека;
- в) *необходимые условия* для реализации именно *таких* качеств человека;
- г) *пути преодоления* наличных превращенных форм бытия человека, идущих вразрез с его гуманной сущностью и недопущения их воспроизводства.

С другой стороны, мы не можем не учитывать то обстоятельство, что индивид и общество представляют собой диалектическое тождество единичного и всеобщего. Поэтому их отделение друг от друга – лишь методологический прием с целью более глубокой философской рефлексии одного из элементов сложной социальной системы.

Развитие человека и человечества в 21 веке видится современным философам весьма разнообразно. И все же, несмотря на обилие подходов, несхожесть и даже полярность точек зрения, можно выделить три основных антропологических сценария в 21 веке – *антропо-катастрофический* (пессимистический), *антропо-созидающий* (оптимистический) и *антропо-устойчивый* (взвешенно-оптимистический).

Антропо-катастрофический сценарий в виде назревающего «антропологического кризиса», своего рода «антропошока» все активнее обсуждается на страницах печати. Достаточно сослаться на работы А. Тоффлера, Ф. Фукуямы, М. Фуко и др.

Одна из наиболее известных работ М. Фуко – «История безумия в классическую эпоху» [1]. Уже само название книги шокировало многих читателей. Почему именно эту тему взял для исследования французский ученый? Отвечая на этот вопрос, нужно отметить, что психологией и психиатрией М. Фуко серьезно занимался еще в студенческие годы в Эколь Нормаль. Впоследствии он получил степень лиценциата по психологии, дипломы Парижского института психологии по психологии и психопатологии. Поэтому М. Фуко – не только философ, но и профессиональный психолог. И все же в процессе осмысления проблемы безумия французский исследователь в большей степени философ, а не психолог. Философ хотя бы потому, что пытается раскрыть сущность феномена безумия (психической болезни) в контексте культуры – поднимается над ощущениями и переживаниями самих больных, т. е. индивидуумов, и выходит на уровень социума. Более того, рассматривает психическую болезнь как один из возможных способов разгадки человеком «собственной сущности». Безумие воспроизведено в его динамике. Философ стремится обосновать тезис, согласно которому безумие является продуктом новейшей истории. По мнению М. Фуко, до 19 века не существовало даже самого понятия «психически больной». Было понятие «неразумие», которое объединяло в одно целое всех людей с отклоняющимся поведением – начиная с бродяг и заканчивая алхимиками. В 19 веке формируются представления не только о безумии, но и о человеке. Это взаимосвязанный процесс. Безумие есть превращенная (отчужденная) сущность человека. Отсюда не составило труда сделать заключение о том, что безумие имманентно присутствует в каждом отдельном человеке, является чуть ли не его сущностью. Несомненно, безумие – это «дно», «темная глубина» человека, но оно все же присутствует в *самом человеке*, а не в подлунном пространстве. Отсюда можно сделать следующий шаг – обосновать изначальную виновность самого человека.

Логика дальнейших рассуждений М. Фуко выглядит весьма странно. М. Фуко, в частности, заявляет: «В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека...» [2, с. 362]. Общий вывод современного французского философа еще более категоричен: «Можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [2, с. 404]. Такая трактовка сущности и места человека в современном мире

служит «логическим обоснованием» бесполезности, тщетности и бессмысленности каких-либо теоретических разработок, касающихся «освобождения» и перспектив развития человека, прогнозирования его будущего. С подобными идеями мыслителя вряд ли можно согласиться. Тем не менее, они получили поддержку у некоторой части интеллигенции.

В том же ключе рассуждает В. Янкелевич. «Для того ли мы жили, чтобы превратиться в бесформенный прах и вернуться к недифференцированной материальности?» [3, с. 71] – вопрошает он. Даже если геронтология достигнет больших успехов и продлит жизнь человека на много лет, все равно его ожидает смерть – заключает автор. И в этой связи свой анализ смещает в плоскость исследования состояния человека в момент прихода смерти, стараясь отыскать ту черту, точку, где наличествует уже не-жизнь и еще не-смерть. Относительно потусторонней жизни человека В. Янкелевич занимает позицию скептика: он не признает ни посмертное физическое существование человека, ни его полное посмертное уничтожение.

Пессимистический прогноз часто обосновывается противостоянием поколений, неспособностью, или нежеланием детей идти проторенным родителями путем. Но ведь это характерно не только для нашей эпохи. Еще в древнем мире обнаруживаются разногласия поколений. Надпись на гробнице одного из фараонов в Фивах, сделанная 3500 лет до н. э., гласит: «Молодые строптивы, без послушания и уважения к старшим. Истину отбросили, обычаев не признают. Никто их не понимает, и они не хотят, чтобы их понимали. Несут миру погибель и станут последним его пределом» [4, с. 16]. Примерно такую же негативную оценку молодежи дали взрослые в Древней Вавилонии, зафиксировав ее 3000 лет до н. э. на одном из глиняных сосудов. Наконец, Соломон Мудрый 1000 лет до н. э. подвел своеобразный итог подобного рода пессимистическим настроениям родителей. «Род уходит и приходит, а Земля остается, – рассуждал он. – Что было, то и будет, и что творилось, то творится, и нет ничего нового под Солнцем» [4, с. 22].

На международной конференции «Человек в современных философских концепциях», проходившей на базе Волгоградского государственного университета под эгидой ЮНЕСКО 28-31 мая 2007 г., тоже были представлены различные пессимистические оценки состояния и перспектив современного человека. На пленарное заседание были вынесены доклады под названиями: «Трагедия как предельный опыт бытия человека» (И. В. Невважай, г. Саратов), «Насилие и агрессивность в человеческом формате» (В. И. Красиков, г. Кемерово), «Современный человек: на пути коллективного угасания или космического развития» (К. Пандикатту, Индия), «Глобализа-

ция как фактор иррационализации человеческой деятельности» (М. И. Билалов, г. Махачкала), «Техника и отчуждение: ситуация дистанционного обучения» (О. Грюенгард, Е. Грюенгард, Израиль) и др. [5].

Антропо-катастрофический сценарий базируется на определенных онтологических основаниях. С точки зрения социальной науки – философии истории – мировое сообщество оказалось в переходном периоде. И дело вовсе не в хронологических рамках – не в том, что мы вступили в новый век и новое тысячелетие. Индустриальная эпоха, или, как ее нередко называют, «эпоха модерн», позволявшая человечеству на протяжении нескольких столетий наращивать свою мощь и усиливать господство над окружающей средой, к настоящему времени полностью исчерпала себя. Об этом свидетельствуют острые социальные противоречия, кризисы. Но мировое сообщество продолжает двигаться по технологическому пути, который порождает новые и все более серьезные проблемы, разрешить которые в рамках данной парадигмы общественного развития не представляется возможным. В их числе: перенаселенность планеты, нерациональное отношение к природным ресурсам, ведущее к их истощению, назревающая экологическая катастрофа, противостояние высокотехнологичного Севера и все более отстающего в технологическом, интеллектуальном развитии Юга, экспансия высокоразвитых государств на природные и интеллектуальные ресурсы менее развитых стран, межэтнические и межконфессиональные конфликты, эпидемии, терроризм, нелегальная миграция, торговля людьми, растущая преступность, наркомания и т. п.

Впрочем, нынешние сложнейшие проблемы земной цивилизации, порождающие у ряда исследователей скепсис относительно ее будущего, имеют соответствующие исторические, социально-экономические и политические предпосылки – они прямое следствие тех целей и тех средств, при помощи которых достигались человечеством в прошлом поставленные цели. Как отмечает В. И. Толстых, «показав и доказав, насколько он искусен и конгениален в создании разного рода «чудес» техники и организации своего быта, человек обнаружил полное бессилие справиться и обуздать свой поистине ненасытный эгоизм. Ради своего индивидуального выживания и самосохранения он противопоставил себя миру, природе, другим людям, отчуждаясь от них, а тем самым и от себя, поскольку сам является частицей этого мира – предметного и человеческого» [6, с. 45].

Выход из сложившейся ситуации видится разным. Одни ученые призывают политиков и глав государств осознанно перейти от модели «техногенного», «индустриального», «модернистского» общества к новым моделям цивилизационного разви-

тия в виде постиндустриального, постэкономического, информационного и постинформационного общества, ноосферной модели развития, другие же – наоборот, предлагают подкорректировать и продолжать «достраивать» существующую ныне техногенную цивилизацию. Постсоветские страны предпочли индустриальный сценарий развития. Такую политику можно понять: при всем своем желании нация, государство не в состоянии «перескочить» какой-либо этап в своем развитии. В свое время эту идею убедительно обосновал Г. Гегель. В целом же, как отмечает известный американский социолог И. Валлерстайн, «ближайшие 25-50 лет окажутся ужасными для общественных отношений, будучи временем распада существующей исторической социальной системы и перехода к неясной пока альтернативе» [7, с. 291].

Итак, чтобы выжить, общество неизбежно должно будет избрать иной сценарий развития. Несомненно, это скажется и на самом человеке – его антропологическом облике. При этом необходимо учитывать то, что даже поэтапные социальные реформы, не говоря уже о социальных революциях, были и всегда останутся болезненными для человека, вынужденного менять устоявшийся образ жизни и адаптироваться к изменившейся среде.

И все же, несмотря на противоречивость социального бытия современной эпохи, часть исследователей в процессе прогнозирования будущего цивилизации, как и ранее, предпочтение отдают *антропо-созидающему* (оптимистическому) сценарию. Они полагают, что, напрямую столкнувшись с угрозой гибели земной цивилизации, мировое сообщество поднимется над эгоистически-личными выгодами, станет руководствоваться разумом, общими интересами и не допустит антропологической катастрофы.

На названной выше научной конференции в Волгоградском государственном университете в подавляющем своем большинстве докладчики и выступающие отстаивали не пессимистическую, а напротив, оптимистическую антропологическую стратегию. Они обращали внимание на то, что философам, в отличие от писателей и журналистов, при всей проблемности, противоречивости, непредсказуемости бытия человека следует утверждать не смерть, не гибель, не трагедию и не бессилие человека, а жизнь во всем ее многообразии и многоцветии, безграничную силу человеческого духа и воли.

Экономической основой оптимистического сценария развития человека в 21 веке станет, на наш взгляд, переориентация материальных и интеллектуальных ресурсов с производственной сферы на человека, в результате чего будет преодолено воспроизводство т. н. «затратной» экономики и сформирована новая экономика, ориентированная на производство интеллектуального продукта (отдельные

исследователи называют ее ноосферной экономикой) [8]. Освободившиеся средства, направленные на развитие человека, позволят сделать прорыв во многих областях – преодолении болезней, увеличении продолжительности полноценной жизни и т. п.

Политической основой оптимистического сценария явится реализация высказанной когда-то И. Кантом идеи «всеобщего мира», что позволит направить финансы на разработку технологий безопасной жизни человека, а не на создание новейшего оружия его уничтожения.

Духовно-нравственной основой оптимистического сценария станет значительное повышение уровня интеллекта, нравственной и эстетической культуры как отдельного человека, так и мирового сообщества в целом. Речь идет о воплощении в жизнь, опять же, кантовского «категорического императива», а лучше сказать – христианских заповедей, ориентирующих человека думать и заботиться не о себе, а, прежде всего – о других людях.

В случае реализации данного сценария наша планета выглядела бы в 21 веке гармоничной и чрезвычайно привлекательной. В результате согласованной политики, взаимных уступок и компромиссов достигнут консенсус, вследствие чего разрешены глобальные проблемы современности – экологические, энергоресурсов, голода, эпидемий, противостояния Севера и Юга и др., осуществлено мировое разделение труда в общих интересах. В результате этих преобразований исчезает основа вражды, войн и других социальных потрясений. Общими усилиями человечество осваивает околоземное пространство, Луну и другие планеты. Стабилизируется народонаселение планеты, для нормального проживания которого созданы необходимые условия.

Однако оптимистический сценарий будущего человека и человечества не так часто встречается в философской и публицистической литературе последних лет: философы чаще пишут о грядущем «антропологическом кризисе». «Экологический кризис, антропологический кризис, все ускоряющиеся процессы отчуждения, изобретение новых и новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, – все это побочные продукты техногенного развития» [9, с. 30], – таково заключение академика РАН В. С. Степина. Суть же антропологического кризиса, по мнению ученого, состоит в опасности изменения генофонда человечества, чрезмерном давлении на человека запредельных стрессовых нагрузок и, наконец, «переконструировании биологической основы человека», что неизбежно приведет к появлению на свет «постчеловека».

На наш взгляд, *ни пессимистический, ни оптимистический сценарии не реализуются в 21 веке*. Второй – в силу идеальности, граничащей с его

иллюзорностью и утопичностью. Жизнь – сложна и противоречива. Первый сценарий – по причине наличия достаточно устойчивых механизмов защиты, выработанных социумом на протяжении многовековой истории и охраняющих его, не позволяющих переступить черту, отделяющую бытие от небытия.

Всякий раз, когда цивилизация находилась на краю пропасти, когда ей предрекали неминуемую гибель, и эта гибель действительно из потенциальной могла превратиться в реальную (напомним в этой связи о море в Европе в эпоху средневековья, о голоде, эпидемиях, масштабных конфликтах, чуть было не закончившихся в 60-е гг. прошлого века ядерной войной двух сверхдержав и т. п.), срабатывали защитные механизмы. Мировое сообщество выживало и вновь, еще более энергично, начинало созидать. Представляется, что и в 21 веке человечество в основном разрешит свои сложнейшие проблемы. Именно в основном: полное отсутствие противоречий и проблем – это упадок и гибель социального организма. Поэтому, скорее всего, получит реализацию *антропо-устойчивый* (взвешенно-оптимистический) сценарий.

Учитывая разнообразный спектр исторических тенденций, основываясь на анализе фактов, исходя из современного состояния общества, можно в общих чертах представить картину развития человека и человечества в 21 веке.

Прежде всего, технические изобретения помогут человеку в 21 веке жить более комфортно. С другой стороны, лишенный этих технических средств, человек 21 века, в отличие от человека прошлых эпох, уже не способен будет выжить в естественных условиях. Его все в большей мере будет окружать искусственная среда. И он окажется даже более зависим от внешних обстоятельств по сравнению со своими предками. Например, в случае сбоя в компьютерной системе и т. п. Поэтому, как отмечает немецкий философ, социолог и экономист П. Козловски, «нам необходимо с максимально возможной деликатностью и осторожностью учитывать побочные воздействия наших знаний и поступков, а также взаимодействие наших целей с таковыми наших близких, поскольку мы должны сделать наши поступки и технику органичной частью нашего бытия» [10, с. 13].

В условиях значительного роста населения земного шара (а, как предполагают демографы, численность населения планеты удвоится уже через 15–20 лет) потребуются расширение жизненного пространства. Скорее всего, оно будет прирастать за счет освоения водного бассейна (создание искусственной суши), строительства подземных городов, сооружения жилищ на околоземной орбите. Таким образом, ноосфера значительно расширится.

Часть производственной сферы будет вынесена за пределы Земли (первой подвергнется промышленному освоению Луна).

По причине «спрессованности» пространства особую остроту приобретет вопрос сохранения человеком своего собственного «Я», своей неповторимой индивидуальности. Философы 20 в. предвосхитили эту проблему. Еще в середине прошлого века представители экзистенциализма пытались ее разрешить посредством принципа «интерсубъективности». Но эта идея оказалась лишь идеей, не более, поскольку полностью изолировать одного индивида от другого не представляется возможным ни теоретически, ни практически. Индивид и общество – это диалектическое тождество противоположных сторон социальной организации.

В 21 веке защита индивидуального бытия будет осуществляться при помощи различного рода психотерапевтических технологий (например, в наши дни опять проявляется активный интерес к идеям философской антропософии Р. Штайнера, различным системам медитации Древнего Востока и т. п.) и индивидуально создаваемого виртуального мира – удобного и подконтрольного человеку. Если современный человек по индивидуальному замыслу обустроит свое жилище, то человек 21 века способен будет с помощью технических средств «оказаться» не только в любой точке Вселенной, но и в адекватной его настроению обстановке. В целом же тяга человека к «уединению», о котором две тысячи лет тому назад рассуждали римские стоики Марк Аврелий и Сенека, по-видимому, актуализируется и станет одной из основных ценностей человека в условиях все более ускоряющегося социально-исторического процесса в глобализирующемся пространстве. Во всяком случае, и в будущем индивид захочет остаться неповторимым в своей индивидуальности. И технологии будущего, как отмечает Д. Нейсбит, позволят «изолировать людей друг от друга, от природы и от самих себя» [11, с. 35].

Изменится ли человек в своей телесности, и насколько существенными окажутся эти изменения? Думаем, не изменится, хотя отдельные исследователи придерживаются противоположной точки зрения и рассматривают 21 век как историческую эпоху телесно-ориентированных социальных практик [12]. Считаем, что активно преобразуемая человеком окружающая среда сама по себе не скажется на его антропологическом облике – биологическая наука свидетельствует о чрезвычайно медленной эволюции человеческого организма.

Вопрос заключается в ином: согласится ли человек 21 века быть похожим на других своих собратьев и тем более на кроманьонца? Уже в настоящее время пластические операции входят в повседневную жизнь: в 1997 г. в США было выпол-

нено 2 млн. косметических операций. Тут, однако, ничего нового нет: еще с древних времен человек постоянно экспериментировал, а порой просто издевался над своим телом – украшал его татуировкой, колол, резал, загонял в железный панцирь, чтобы – по канонам конкретной исторической эпохи и своему причудливому воображению – придать ему нужные формы и внешний вид с целью выделиться из ему подобных существ. Но в 21 веке коррективка человеческого организма будет осуществляться, скорее всего, на генетическом уровне и станет обыденным явлением (речь идет об устранении наследственной предрасположенности человека к той или иной болезни). Человечество разрешит и чрезвычайно обострившуюся сейчас проблему нехватки доноров для пересадки больным тех или иных органов. Здесь возможны разные пути. Либо человек научится «выращивать» необходимые «детали» для человеческого организма из его же клеток (например, стволовых), либо создаст их механические аналоги, не уступающие по своим характеристикам естественному органу, либо сможет своевременно предотвращать возможный сбой в их работе. Уйдет в прошлое нынешняя система изготовления и применения медицинских препаратов, ориентированных на т. н. «среднестатистического больного». Будет реализован индивидуальный подход к больному с учетом его генетического кода.

Отдельные ученые делают вывод о том, что генная терапия стволовыми клетками будет использоваться не только для лечения, но и для «улучшения человека» [11, с. 191-194]. Короче говоря, «люди станут контролировать рождаемость, выбирать пол ребенка, создавать человеческую жизнь прямо в лаборатории» [13, с. 133]. И тут человечество, вступившее на путь модификации своего тела с помощью современной биотехнологии, подстерегает самая серьезная опасность. Ведь в конечном счете, можно сотворить существа, которые устроят их создателей.

Существенные изменения произойдут в интеллекте человека 21 столетия. Человек значительно усилит свою интеллектуальную мощь. С одной стороны, он научится более эффективно использовать потенциал коры полушарий головного мозга. Интеллектуальная работа над собой и производство интеллектуального продукта будут представлять собой единый процесс. Ведь «постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной» [14, с. CL1].

По мнению Д. Белла, «создание новых товаров, повышение эффективности, увеличение объемов производства, снижение себестоимости – все это в постиндустриальной экономике является следствием применения знаний» [14, с. ХСV]. Человек поставит на службу своему мозгу еще более слож-

ные технические средства. Иногда это представляют чуть ли не на уровне «технических достижений» каменного века – в виде «вживленных» в человеческий мозг «чипов» и т. п.

На самом деле картина предстанет в более гуманном виде. В скором времени ученые и конструкторы создадут таких помощников человека, которых не понадобится куда-то «вживлять». Они будут способны на расстоянии самостоятельно следить за всеми параметрами своего «пациента» и в необходимом случае оказывать ему нужную помощь. Конечно же, работать и помогать человеку они будут согласно его целевым установкам и программам. Целерациональную деятельность человек оставит своим уделом, и машина будет выполнять *àà* волю, а не свою. Это надо особо отметить, так как отдельные исследователи абсолютизируют искусственный интеллект и роль т. н. «электронно-киберо-компьютерных средств», рассматривают «искусственное – естественное» «стержневой сюжетной коллизией ближайшего столетия» [15, с. 203].

Наверное, изменятся не только ценности (на первый план выдвинется интеллект, духовная культура), но и критерии оценки человека. Такой критерий как богатство, выступающий сейчас главным критерием появления фамилии того или иного человека на страницах журнала «Форбс», уступит место иным показателям, характеризующим интеллектуальные и духовно-нравственные качества личности. Так, например, известный американский социолог и политолог Ф. Фукуяма предлагает, с целью предотвращения антропологического кризиса, активно наращивать социальный (общественный) капитал в виде доверия между членами общества на его различных структурных уровнях, начиная с семьи и заканчивая нацией в целом [16, с. 52].

Произойдут изменения в системе образования и воспитания – многие функции перейдут от педагога к машине. Да и сами учебные заведения не останутся в нынешнем виде. Уже сейчас все шире распространяется т. н. «система открытого образования». В 21 веке каждый желающий повысит свой образовательный уровень, скорее всего, осуществит свою цель, не выходя из дома.

Наблюдающиеся в настоящее время тенденции в семье получают дальнейшее развитие. Имеется в виду ослабление связи между родителями, а также между родителями и детьми. Семьи станут более «размытыми» в пространстве: уже сейчас в Евросоюзе, да и в США, люди в процессе своей профессиональной деятельности вынуждены часто менять место проживания не только в пределах своего государства, но и вне его. Эта тенденция в 21 в. будет усиливаться.

Что станет с национальными культурами и национальным сознанием? Не произойдет ли переход от национально-культурного сознания к «всеобъемлюще-

му», «глобальному» сознанию? Проблема здесь имеется. Глобализация «размывает» культурное национальное пространство и делает его «интернациональным». Надо учитывать и рыночные реалии нынешней эпохи. Массовая культура, ставшая своего рода индустрией, фундируется на тех же принципах прибыли, завоевания новых рынков сбыта продукции и т. п.

Время в 21 в. станет чрезмерно спрессованным. Каменный век длился два миллиона лет. Индустриальная эпоха, или как ее называют "эпоха модерн", охватила лишь несколько веков. Но какие колоссальные изменения внесла она в жизнь человека. В постиндустриальном обществе цена только одного упущенного дня будет равняться многим тысячам лет прошлых эпох. Вот почему в 21 веке между государствами, нациями, цивилизациями может развернуться еще более ожесточенная борьба за лидерство. К чему она приведет? Не исключен сценарий столкновения конкурентов с возможной гибелью всей цивилизации.

Французские мыслители 18 в. считали необходимым просвещать человечество и таким путем избавлять его от пороков, насилия и зла. Результат же деятельности просветителей оказался совсем иным: взбудоражив умы, они подтолкнули граждан к революции. Означает ли это, что и в 21 веке, просвещая людей, философы в очередной раз всколыхнут их энергию и настроят людей на насильственные действия? По-видимому, параллели между 18 и 21 веками неуместны. В отличие от 18 в., 21 век не выдержит революционных потрясений. Слишком жестко связан мир. К тому же он чрезмерно технически и технологически оснащен. Социальный взрыв в одной части планеты способен уничтожить всю планету, всю земную цивилизацию. Отсюда можно сделать вывод, что в 21 веке апелляция к человеческому разуму имеет более высокую степень ее практической реализации, чем это имело место в 18 веке.

Думается, 21 век, в отличие от предыдущих столетий, станет веком торжества разума и реального, а не абстрактного гуманизма. Но в становлении человека разумного, формировании разумного общества призваны сыграть свою роль и филосо-

фы. Выработка гуманной стратегии развития цивилизации в 21 столетии не может быть осуществлена без серьезного философского анализа целостного исторического процесса и онтологических оснований бытия современного человека.

Список цитированных источников

1. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб., 1997.
2. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. СПб., 1994.
3. Янкелевич, В. Смерть / В. Янкелевич; пер. с фр. – М., 1999.
4. Таранов, П. С. Мудрость трех тысячелетий / П. С. Таранов. – М., 1998.
5. Человек в современных философских концепциях // Материалы Четвертой междунар. конф., г. Волгоград, 28–31 мая 2007 г.: В 4-х т. – Т. 1. – Волгоград, 2007.
6. Александр Зиновьев: мыслитель и человек (материалы «круглого стола») // Вопр. Философии. – 2007. – № 4.
7. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн; пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. – М., 2004.
8. Никитенко, П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. – Минск, 2006.
9. Степин, В. С. Ядро новых мировоззренческих ориентаций / В. С. Степин. // Беларуская думка. – 2006. – № 5.
10. Козловски, П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски; пер. с нем. – М., 1997.
11. Нейсбит, Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Д. Нейсбит; пер. с англ. – М., 2005.
12. Розин, В. М. Как можно помыслить тело человека, или на пороге антропологической революции / В. М. Розин. // Философские науки. – 2006. – № 5.
13. Гуревич, П. С. Антропологический ренессанс / П. С. Гуревич. // Вестник Российского философского общества – 2007. – № 1.
14. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. 2-е изд. испр. и доп. – М., 2004.
15. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика, психология и футурология) / А. П. Назаретян. – М., 2001.
16. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М., 2004.

Дата поступления статьи в редакцию: 6.09.2007 г.